

Анжелика
Царяпкина

ПОПАЛА
ТАК ПОПАЛА

Анжелика Царяпкина

Попала так попала

<https://litres.ru/74674074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девушка попаданец перескакивает из одного мира в другой. Жанр фэнтези смесь с боди-хоррор и сюрреализмом. Героиня оказывается в ловушке в чужом теле и мире, где базовые понятия, такие как еда, основаны на принципах, вызывающих у человека глубочайшее отвращение. Привлекательная внешность мира оказывается обманкой, скрывающей ужасную и нечистую изнанку.

Содержание

Глава 1 Мир особых запахов и вкусов

4

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Анжелика Царяпкина

Попала так попала

Глава 1 Мир особых запахов и вкусов

Я попала в тело красивой старухи. Вместо клюки она использовала хвост, как кенгуру. Как и почему была вырвана из своего мира, не помню. Хорошо откликались воспоминания, вызванные ароматами нишевой парфюмерии. Какая-то помесь сознания из двух миров. Ещё эти стулья с выемкой под хвост... На столе вместо салфеток зеркало стоит... В тарелке — булочка пятиугольной формы. Успокаивал знакомый аромат корицы. Прикрыв глаза, кладу руки на булку — тёплая. Надо пробовать.

Блик солнца отразился в зеркале. Свечение выдало целую «видюху» приготовления этого хрустящего наслаждения. Так, а что это они в начинку положили? М'ть вашу, булка выпала из рук... Что за нечистоты, откуда они набирают это д*рьмо? Что это... ложкой гнойники скребут... А-а-а, личные границы, настоянные под чьими-то ногами... а тут соскребли альтернативу прямо из груди. Отвращение волной подкатило к горлу. Этот мир построен на гнили, возведенной в культ. Паника начала сменяться безысходностью. Как здесь выжить? Что здесь можно есть? Можно ли вообще доверять воде из-под крана?

Отшатнулась от стола, едва не опрокинув стул. В голове билась одна мысль: они едят это. Они пекут хлеб с гноем и какой-то мерзостью, собранной с тел. И, судя по всему, счи-

тают это деликатесом. Зеркало на столе, оказывается, не для того, чтобы любоваться собой, а видеть «историю» блюда. Какая извращенная форма гастрономической прозрачности. Желудок свело спазмом. Нужно срочно найти что-то, что смоет этот ментальный кошмар. Я метнулась прочь из-за стола, опираясь на хвост, который послушно и упруго пружинил, помогая двигаться быстрее. Комната оказалась частью большого, залитого светом зала. Вокруг сидели другие... существа. Все с хвостами, разных форм и расцветок. Они с аппетитом поглощали такие же пятиугольные булки, глядя в свои столовые зеркала. На их лицах блаженство. Тьфу, мерзость...

Меня замутило еще сильнее. Рванула к выходу, расталкивая прохожих, которые удивленно оборачивались. Свежий воздух! Дверь поддалась, я вывалилась на улицу, жадно хватая ртом прохладу. Облегчения не наступило. Воздух пропитан тем же тошнотворным, коричневым ароматом. Он шел отовсюду. Из пекарен, из открытых окон домов, от проходящих мимо созданий.

Я оперлась о стену ближайшего здания, пытаюсь унять дрожь в коленях. Хвост нервно подрагивал, постукивая по каменной кладке. Взгляд метался по улице, выхватывая детали, которые раньше, видимо, не казались странными для прежней хозяйки этого тела. Вот женщина с хвостом, похожим на павлиний, покупает у уличного торговца что-то

вроде мороженого в вафельном рожке. Только вместо шарика сливочного пломбира наверху колыхается дрожащая субстанция. Дети облизывают леденец на палочке, внутри которого застыла какая-то многоножка. Блииин, за что это всё...

Я — чужак в мире, где отвратительное стало обыденным, а то, что я считала нечистотами, — ингредиенты для лакомства. Осознание ударило с новой силой. Это их культура, их норма.

Заставила себя оторваться от стены и пойти куда глаза глядят, лишь бы подальше от этой пекарни. Нужно найти укрытие. Прийти в себя. Воспоминания старухи были обрывочными, но тело двигалось почти на автомате, сворачивая в менее людные переулки. Ноги сами привели к высокому

зданию из темного, почти черного камня, с узкими, как бойницы, окнами. Дверь приоткрыта. Вязкий полумрак и другой запах. Резкий с нотами сушеных трав и чего-то металлического. Он перебивал вездесущую тошнотворность улицы.

Это оказалась аптека. Или, скорее, лавка алхимика. Вдоль стен тянулись стеллажи с бесчисленными склянками и пучками сушеных растений. За прилавком стоял высокий, иссохший старик с длинным, как у ящерицы, хвостом, который лениво обвивал ножку табурета. Он поднял на меня глаза поверх очков-половинок.

— Что-то для пищеварения, почтенная? — проскрипел он. — Опять переели «Утренней росы» в той модной пекарне?

Я лишь отрицательно качнула головой, не в силах вымолвить ни слова. Мой вид был красноречивее объяснений.

— А-а, — понимающе протянул он. — Тогда вам нужно «Очищение разума». Снимает ментальные отпечатки. Особенно после неудачных «просмотров». Достал с полки маленький пузырек с перламутровой жидкостью. Я смотрела на него с недоверием. Что, если и это лекарство сделано из чего-то подобного? Старик, заметив сомнение, усмехнулся, обнажив ряд острых, как пилы, зубов.

— Не бойся, это дистиллят лунного камня и след горного эха. Никакой органики. Я старомоден, предпочитаю работать с мертвой материей.

Взрыв мозга, а не мир...

След горного эха? Звучало как поэзия, а не как рецепт. Но выбора не было. Дрожащей рукой приняла флакон. Внезапно в памяти всплыл еще один аромат — запах озона после грозы, смешанный с запахом мокрой пыли и чего-то еще, знакомого, из человеческого мира. И вместе с ним пришло знание: у меня есть деньги. В кармане платья нащупался тяжелый мешочек. Я высыпала на прилавок несколько тусклых металлических монет. Старик кивнул, сгреб деньги и отвер-

нулся.

Я не раздумывая, откупорила пузырек и сделала глоток. Жидкость обожгла горло холодом, а в голове будто что-то щелкнуло. Образ соскобленной плоти подернулся дымкой, отодвинулся на задний план, перестал вызывать рвотный рефлекс. Стало легче дышать.

— Спасибо, — прошептала я.

— Если захочешь есть то, что не росло на чужом теле, приходи завтра на рассвете к задней двери, — не оборачиваясь, бросил аптекарь. — Иногда торговцы с гор привозят кое-что... чистое. Но стоит это дорого. И учти, для всех остальных ты будешь просто чудачкой со странными вкусами.

Его слова стали спасательным кругом. Надежда проклюнулась сквозь панцирь отчаяния. Значит, есть альтернатива. Похоже в этом мире существует подпольный рынок «чистой» еды.

Уличный смрад больше не бил наотмашь, «Очищение разума» работало. Нужно возвращаться «домой». Тело старухи знало дорогу. Вело меня по извилистым улочкам, к району, где дома ниже, но изящнее. Ноги сами зашли в небольшой особняк. Растения мясистыми листьями, медленно поворачивались вслед за движением.

Внутри тихо и сумрачно. И снова — запахи. Странные,

будоражащие. Пахло пылью, старым деревом и парфюмерной эссенцией. Десятки флаконов на туалетном столике. Вот он, источник моих единственных ясных воспоминаний.

Я подошла к столику, проводя пальцами по фигурному стеклу. Каждый флакон — произведение искусства. Взяла один, самый темный, почти черный, с притертой пробкой в виде черепа крошечной птицы. Открыла.

Аромат ударил в нос — горький, дымный, с нотами тлеющей древесины, кожи и ладана. И тут же в голове развернулась картина из прошлой жизни. Я, молодая, сижу у камина в загородном доме. За окном льет дождь. Рядом на кресле дремлет рыжий кот, а в руках у меня книга в кожаном переплете. Ощущение безопасности. Так вот ты какая была, моя жизнь. Простая. Человеческая.

Я поставила флакон на место. Эти воспоминания мучительны. Хотелось орать и топтать ногами.

Обыскать дом. Нужна информация. Кто я здесь? Чем жить? Есть ли у меня враги или друзья? В спальне, кроме коллекции духов, ничего интересного. А вот в небольшой комнате, похожей на кабинет, наткнулась на стопку писем, перевязанных лентой из чего-то, подозрительно напоминающего высушенное сухожилие.

Почерк витиеватый, трудный для разбора, но читаемый. Письма от сестры. Из них начала вырисовываться картина местной жизни. Мое имя здесь — Лиандр. И я, судя по всему, не последняя дама в этом обществе. «Дорогая Лиандр, твое последнее выступление на Совете Вкуса было блистательным», — говорилось в одном письме. «Никто, кроме тебя, не смог бы так тонко описать букет послевкусия от Слез

новорожденного».

Меня снова чуть не стошнило. Совет Вкуса. Дегустатор. Я была местным сомелье, только вместо вина пробовала... вот это все беее. Тьфу, вот, дрянь. Видимо, поэтому мое тело так остро отреагировало на «вИдение» из зеркала. Старая Лиандр была гурманом, а мое сознание увидело в этом лишь мерзость. В этом и заключался конфликт.

В последнем письме сестра с тревогой писала: «Береги себя, Лиандр. Твои речи о возвращении к истокам и чистоте ингредиентов многим не нравятся. Особенно консорциуму Живая Роса. Они теряют прибыль из-за твоей критики. Ты играешь с огнем».

Так вот оно что. Похоже, старуха и сама начала что-то подзревать. Она была на пути к тому же открытию, что и я, но, видимо, зашла слишком далеко. И ее «вырвали» из этого тела, а на ее место по какой-то причине забросили меня. Было ли ее перерождение несчастным случаем? Или ее убрали? И теперь я, с ее лицом, ее телом и ее опасными идеями, стала мишенью. Аптекарь был прав: для всех стану просто чудачкой. Но для некоторых — опасной чудачкой.

Тяжелый мешочек с монетами, который я так и не убрала с прилавка в аптеке, вдруг показался раскаленным углем,

прожигающим карман. Деньги. И этот бизнес построен на самом омерзительном, что только можно вообразить.

Я опустилась в кресло с высокой спинкой. В голове закружился вихрь вопросов. Если Лиандр «убрали», то почему так странно? Почему не просто убили, а заменили ее сознание моим? Может, они хотели дискредитировать ее, подсунув в ее тело «некомпетентную» душу, которая не сможет отличить «Слезы новорожденного» от помоев? Если так, то они просчитались. Я не просто некомпетентна, я — воплощенное отвращение к их миру.

Нужно действовать. Прятаться и ждать утреннего визита к аптекарю за «чистой» едой — это лишь отсрочка. Консорциум, о котором писала сестра, рано или поздно проявит интерес к молчанию ведьмы. Они придут проверить отказалась ли от своих идей. Вот, непруха.

Мой взгляд снова упал на коллекцию духов. Если запахи — ключ к моим воспоминаниям, то, возможно, они же — ключ и к воспоминаниям Лиандр? К тем, что связаны со страхом, с ее расследованием. Я начала перебирать флаконы. Сладкие, гурманские ароматы я отметала сразу — они наверняка были связаны с ее «профессиональной» деятельностью. Я искала что-то резкое, неприятное, выбивающееся из общего ряда.

Нашла! Маленький, невзрачный флакончик из мутного стекла, засунутый в самый дальний угол. Я с трудом вытащила пробку. Ужасная вонь! Едкая смесь аммиака, гнили и чего-то металлического, как застарелая кровь. Запах скотобойни.

Картинка, хлынувшая в сознание, была не моей. Это было воспоминание Лиандр. Темный, сырой подвал. С потолка свисают цепи с крюками. Вдоль стен стоят чаны, в которых что-то булькает и бродит. И люди... нет, не люди, а те самые хвостатые существа, но истощенные, с потухшими глазами. Их держат в клетках. К ним подходят другие, в белых фартуках, и делают... то самое. Соскребают, сцеживают, собирают «урожай». Это ферма по производству ингредиентов для «Живой Росы».

Видение оборвалось так же резко, как и началось. Я отшвырнула флакон, он с глухим стуком ударился о шкаф. Меня трясло. Про рабство, пытки, знала только из книг.

Теперь ее борьба стала моей. Я не могла жить в мире, зная, что где-то существуют такие фермы. Но что я, одинокая старуха могла сделать против целого консорциума?

Ответ пришел сам собой. Совет Вкуса. Письмо сестры. «Твое последнее выступление было блистательным». Лиандр имела голос, к которому прислушивались. И этот авторитет

теперь был моим единственным оружием. Если я не могу сражаться силой, буду сражаться словами. И запахами.

Пальцы порхали над флаконами, но теперь я смотрела на них иначе. Каждый аромат — нота в будущей симфонии отворачивания, которую я собиралась обрушить на этот мир. Я могу смешать запахи. Создать парфюм, который расскажет историю лучше любых слов. Аромат, который, будучи распыленным в зале Совета Вкуса, вызовет у всех ценителей «деликатесов» то же самое видение фермы, которое я только что испытала. Заставлю их увидеть правду не в зеркале, а прямо в собственном мозгу.

План выглядел безумным. Опасным. Скорее всего, смертельным. Я устрою им такую дегустацию, которую они не забудут никогда.

Ночь в этом мире пахла иначе — тяжелее, гуще. Когда солнце окончательно спряталось, улицы наполнились тем самым «больничным» ароматом, только теперь в нём проступила сладковатая гниlostная нота, словно кто-то оставил на жаре огромный кусок мяса. Я закрыла все окна, зажгла масляные лампы и разложила на столе все флаконы, которые смогла найти.

Руки Лиандр знали, что делать. Пальцы сами выбирали нужные пропорции, хотя разум ещё сопротивлялся. Я рабо-

тала молча, почти не дыша. В центре стола стоял самый большой пустой флакон — тяжёлый, из тёмно-фиолетового стекла, с широким горлом. Именно в него залила свою бомбу.

Сначала основа — тот самый ужасный флакончик из подвала. Я капнула всего три капли. Даже этого хватило, чтобы в комнате резко запахло страхом и железом. Затем — «Дыхание грозы», которое я нашла в самом низу ящика. Озон и мокрый камень. Потом — «Пепел забытых молитв», горький, как раскаяние. И, наконец, нечто, что я едва осмелилась открыть: крошечный флакон без названия, запечатанный чёрным воском. На нём был выдавлен крошечный силуэт младенца. Когда я сняла печать, из горлышка вырвался тонкий, почти неслышный детский плач — не звук, а запах. Чистый, беспомощный, обречённый.

Смешала всё это с фиксатором из смолы древнего дерева и капель своей собственной крови — тело Лиандр само подсказало, что без неё состав не «запоёт».

Когда я закончила, в комнате стояла такая тишина, что было слышно, как листья за окном поворачиваются к луне. Флакон теперь светился изнутри слабым, нездоровым перламутровым светом. Я запечатала его пробкой в виде черепа и долго смотрела на своё отражение в зеркале над столом.

Старуха смотрела на меня чужими, но уже немного моими

глазами. Красивая. Страшная. Опасная.

— Лиандр, — тихо сказала я вслух, впервые произнося это имя как своё. — Если ты ещё где-то здесь... я не подведу.

На рассвете я встретила у задней двери аптеки.

Старик ждал. На прилавке стояли две корзины: одна с обычным для этого мира «товаром» — маленькими стеклянными баночками, в которых пульсировало что-то живое, — вторая, прикрытая чёрной тканью, стояла отдельно.

— Ты пришла, — констатировал он, не поднимая глаз. — Значит, не передумала.

Я поставила перед ним свой флакон. Старик замер. Ноздри его длинного носа дрогнули.

— Мать ночей... — выдохнул он почти благоговейно. — Ты сделала «Крик». Настоящий «Крик». Последний раз такое варили двести лет назад. Потом автора сожрали заживо на площади Вкуса. Медленно. Чтобы все могли насладиться послевкусием.

— Знаю, — соврала я. — Поэтому мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

Я выложила перед ним три тяжёлые золотые монеты с изображением пятиугольной булки. Старик даже не посмотрел на них.

— Я не возьму деньги за помощь в самоубийстве, почтенная. Но я могу дать тебе проводника. И ещё кое-что.

Он достал из-под прилавка маленький серебряный медальон в форме закрытого глаза.

— Если разобьёшь его в зале Совета во время своей речи — все, кто будет в помещении, увидят то же, что и ты. Полное, чистое, неотвратимое видение. На десять минут. Этого хватит, чтобы половина Совета либо сошла с ума, либо перешла на твою сторону. Другая половина захочет тебя убить на месте.

Я взяла медальон. Он был холодным и тяжёлым.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я тихо.

Старик впервые посмотрел мне прямо в глаза. В его зрачках вертикально стояло что-то древнее и очень усталое.

— Потому что моя дочь до сих пор висит в одной из кле-

ток на ферме «Живой Росы». Уже семнадцать лет. Её «урожай» считается особенно ценным. Говорят, слёзы особенно чисты, если мать плачет рядом. Он отвернулся.

— Иди. У тебя есть до послезавтра. На третий день после новолуния Совет собирается в полном составе. Они будут ждать твоего «выздоровления» и нового блестящего выступления. Подготовься. И помни: когда начнёшь говорить, говори не от себя. Говори от неё. От той Лиандр, которую они убили. Он понял кто она...

Я уже почти вышла, когда он добавил, не оборачиваясь:

— И ещё, девочка. Если вдруг почувствуешь, что тело начинает тебе не подчиняться... беги. Значит, старая Лиандр не до конца умерла. А она была гораздо жестче, чем ты думаешь.

Дверь за мной закрылась.

В утреннем воздухе уже плыли первые запахи свежей выпечки. Я крепче сжала в кулаке флакон с «Криком» и пошла домой — готовить речь, от которой этот мир либо сдохнет, либо наконец-то начнёт жить по-другому.

Хвост за спиной бил по мостовой ритмично, как метроном перед казнью.

Дом встретил меня тишиной, вязкой, как патока. Я при-
выкла к ней за эти дни, но сегодня она казалась особенно тя-
жёлой, словно воздух был пропитан невысказанными слова-
ми мёртвой хозяйки. Я прошла в гостиную, где на стенах ви-
сели картины — пасторальные пейзажи, изображавшие по-
ля «Живой Росы» в лучах закатного солнца. Идиллические,
лживые. Наверняка они вызывали у Лиандр умиротворение.
Теперь от них тошнило.

Я поставила флакон с «Криком» на каминную полку. Тём-
ное стекло зловеще поблёскивало, отражая мой силуэт —
изящный, чужой. Это тело было оружием, которое я направ-
лю против этого мира. И речь, которую мне предстояло на-
писать, должна стать спусковым крючком.

Массивный дубовый стол. Перо и пергамент. Первой ста-
ла клякса, чёрт, надо поменьше чернил. Слова не шли. В го-
лове звучал голос старика: «Говори от неё». Но как говорить
от той, кого не знаешь? Чувствую лишь её боль, страх, отча-
ние. Чтобы убедить Совет, мне нужно говорить её яростью.

В поисках пинка для вдохновения начала обыскивать дом.
Ящики, полки, потайные отделения в секретере. Всё за-
полнено отчётами, графиками поставок, благодарственными
письмами от довольных клиентов. Бумажная, чужая жизнь.

И вдруг, на самом дне одного из ящиков, наткнулась на тонкую тетрадь в кожаном переплёте. Это был её личный дневник.

Руки дрожали. Почерк убористый, но чем дальше я читала, тем более рваным он становился. Первые записи полны надежд и гордости за своё дело. Лиандр искренне верила, что «Живая Роса» — это благо, способ дать миру чистейшие эмоции, пусть и такой ценой. Она писала о «качестве урожая», о «чистоте источника», о необходимости поддерживать «сырьё» в тонусе.

Но потом что-то изменилось. Появились записи о кошмарах. О лицах в клетках, которые преследовали её во сне. О тихом плаче, который она начала слышать даже днём, когда вокруг стояла тишина. Пыталась убедить себя, что это лишь усталость, нервное истощение. Увеличила дозу успокоительных капель, которые сама же и производила. Последние страницы почти нечитаемы. Слова прыгали, буквы налезали друг на друга.

Она писала о девочке с глазами цвета кардамона, чей взгляд преследовал её. Что больше не может смотреть на картины в гостиной. О крике, который рвался из её груди, но не мог вырваться наружу.

«Я создала монстра, и он живёт во мне», — гласила по-

следняя, обведённая несколько раз фразой.

Обложка дневника под пальцами поскрипывала. Теперь я знала, от чьего имени говорить. Не от имени жертвы, а от имени раскаявшегося палача. От имени той Лиандр, которая сама заглянула в бездну и ужаснулась.

Внезапно левую руку свело судорогой. Пальцы сами собой сжались в кулак с такой силой, что хрустнули суставы. Я попыталась разжать их, но они не слушались. Холодный пот прошиб спину. «Если вдруг почувствуешь, что тело начинает подчиняться не тебе... беги».

Я вскочила, глядя на свою руку с ужасом. Она медленно, против моей воли, потянулась к флакону с «Криком». Я боролась с ней, отталкивая правой рукой, но чужая воля была сильнее. Как в театре кукол мои руки сцепились, чёрт! Это старуха сильна. В глазах потемнело. Тело перестало быть моим. Оно развернулось и направилось к выходу. Нет, не к выходу. К потайной двери за книжным шкафом, о которой я даже не подозревала. Туда, где она, видимо, хранила то, что могло остановить меня. Рука, теперь уже не моя, а её, уверенно нажала на корешок толстого фолианта с тиснённым названием «Теория эмоциональных эссенций». Раздался тихий щелчок, и часть шкафа плавно отъехала в сторону, открывая узкий проход, уходящий вниз, в темноту. Оттуда пах-

нуло промозглостью и чем-то едким.

Моё сознание билось в панике, запертое в собственном черепе, тварь хвостатая. Я была лишь зрителем. Тело, ведомое остаточной волей Лиадра, шагнуло в проход. Ступени винтовой лестницы вели в тускло освещённую лабораторию. Никаких картин и дубовой мебели. Только функциональные металлические столы, реторты, колбы с мутными жидкостями и аккуратными этикетками. Святилище. Место, где она создавала яды и лекарства.

Лиадра — или то, что от неё осталось — двигалась с отточенной точностью. Она знала, куда идти. Её рука (моя рука!) потянулась к сейфу, вмонтированному в стену. Пальцы забегали по кодовому замку, набирая комбинацию, которую я не знала. Щёлк. Тяжёлая дверца открылась.

Внутри, на бархатной подложке, лежал всего один предмет — шприц из тёмного, почти чёрного стекла. На нём была единственная надпись: «Тишина».

Я поняла её замысел с леденящим ужасом. Это был антидот. Или нечто худшее. То, что могло стереть мою личность, заглушить чужеродное сознание и вернуть ей, Лиадру, полный контроль. Она не собиралась умирать. Она собиралась пережить этот бунт, запереть меня в глубинах разума и про-

должить жить, как раньше.

Борьба вспыхнула с новой силой. Это был уже не просто мышечный спазм, а война за контроль над нервной системой. Я бросила все свои силы, всю свою волю на то, чтобы остановить её. Рука со шприцем замерла на полпути к шее. Тело затрясло, как в лихорадке. Я видела в отражении на стеклянной дверце сейфа лицо — искажённое гримасой нечеловеческого напряжения, с безумными, мечущимися глазами.

— Ты не посмеешь, — прошипел чужой голос моими губами. Голос Лиандр. Сухой, властный, полный презрения. — Это моё тело. Моя жизнь. Ты лишь паразит, ошибка, побочный эффект.

«Ты сама создала меня! — мысленно закричала я. — Я — твой крик, который ты так и не смогла издать!» О, боже, спасибо за курсы по психологии...

Я сосредоточила всё своё отчаяние, всю боль дочери старика, всю ярость безымянных жертв в одном-единственном усилии. Рванула руку в сторону. Нечеловеческая сила, рождённая волей двух существ в одном теле, заставила мышцы и сухожилия затрещать. Рука дёрнулась, и шприц, вылетев из пальцев, со звоном разбился о каменный пол. Перламутровая жидкость мгновенно испарилась, оставив после

себя лишь лёгкое шипение и запах озона. На мгновение всё замерло. А потом хватка Лиандр ослабла. Тело обмякло, и я рухнула на колени, тяжело дыша. Контроль возвращался ко мне, болезненно, рывками. Неужели я снова хозяйка своих-чужих рук, ног.

Победа, конечно, временная. Затаилась, мр*зь ослабленная, будет ждать удобного случая. Когда я ослабею...

Так хочется воды, я поднялась, пошатываясь. Взгляд упал на осколки шприца. Она всегда была готова к предательству, даже со стороны самой себя. И это значило, что в этом доме могут быть и другие ловушки, другие «антидоты». Мне нельзя здесь оставаться.

Ноги подкашивались, пока я выползала в гостиную. Флакон с «Криком» и медальон старика всё так же лежали на каминной полке. Забрала их. Дневник Лиандр сунула за пояс. Он был нужнее любой речи. Буду читать им в лицо их же приговор, написанный рукой лучшей создательницы монстров. Бросила последний взгляд на пейзажи на стенах. Теперь рамы представились отчаянной попыткой Лиандр убедить саму себя, что всё это — благо.

Выйдя из дома, не пошла по знакомым улицам. Свернула в лабиринт узких переулков. Мне нужен проводник, обе-

щанный стариком. И место, где можно спрятаться на оставшиеся два дня. А то воля мёртвой хозяйки выпрет наружу в привычной обстановке. Не допущу.

Я шла быстро, почти бежала, и с каждым шагом чувствовала, как внутри ворочается выжидающая ярость. Не только моя. Теперь нас было двое. И на Совете говорить будет не только раскаявшийся палач. Говорить будет и монстр, который не хотел умирать. И я ещё не знала, чей голос окажется громче.

Переулки встретили меня запахом яблок. Здесь не было золотых вывесок и цветочных гирлянд. Пахло жизнью, которую «Живая Роса» никогда не покупала, потому что она была слишком чистой и слишком настоящей.

Я двигалась, низко опустив капюшон. Хвост обмотала вокруг талии под плащом — он всё ещё дёргался, выдавая нервную дрожь, которую я не могла унять. Каждый раз, когда он бил меня по бедру, вспоминала слова старика: «Она была гораздо жёстче, чем ты думаешь». Теперь знала это наверняка.

Дважды мне казалось, что левая рука снова начинает жить своей жизнью. Первый раз — когда проходила мимо уличного торговца, жарившего на решётке тонкие ломтики чего-то, пахнущего мясом. Пальцы сами потянулись к кошельку. Второй — когда увидела девочку лет десяти, сидевшую у стены с пустыми, выжженными глазами. Рука дёрнулась, будто хотела закрыть ей лицо. Или ударить. Я не поняла, просто прикусила губу до крови и пошла дальше.

Проводник ждал меня там, где и обещал старик — у разбитого фонтана с отбитой головой каменной русалки. Это был невысокий, жилистый мужчина с лицом, будто вырезанным из старого корня. Один глаз у него был молочно-белым, второй — чёрным, как у ворона.

— Ты опоздала на семь минут, — сказал он вместо приветствия. Голос хриплый, будто им долго не пользовались.

— Меня пытались убить внутри моего же тела. Это отни-

мает время.

Коротко кивнул, будто такое объяснение было для него в порядке вещей.

— Меня зовут Кха. Я проведу тебя через Нижние Слои до самого Зала Совета. Но не по парадной лестнице. По той, по которой носят «сырьё». Ты готова идти путём, которым ходят те, кого потом выжимают досуха?

Я молча показала ему флакон с «Криком». Кха посмотрел на него без страха, но с уважением, какое отдают старому, проверенному оружию.

— Значит, готова. Идём. У нас два дня и одна ночь. Если Лиандр внутри тебя проснётся по-настоящему — я тебя убью. Без разговоров. Договорились?

— Договорились, — дёрнула головой и впервые за всё время почувствовала, как внутри что-то холодно усмехнулось. Не я. Она.

Кха заметил. Его единственный зрячий глаз сузился.

— Она уже здесь, да?

— Она никогда и не уходила.

— Хорошо. Пусть слушает. Может, хоть сейчас поймёт, что мы с ней сделаем.

Он развернулся и нырнул в узкую щель между двумя покосившимися домами, где даже дневной свет казался серым. Я последовала за ним.

Спуск был долгим и отвратительным.

Мы шли через забытые коллекторы, где когда-то сливали отходы «Живой Росы» — те, что не удалось продать даже самым отчаянным. Стены были покрыты чёрной, плесенью, которая слабо поблёскивала и шевелилась, будто дышала. Иногда из боковых ответвлений доносились звуки — не крики, нет. Именно то, что остаётся после крика, когда голос уже сорван, а человек ещё жив.

На одном из поворотов Кха остановился и присел на корточки. Взор упёрся на небольшую нишу в стене. Там, в железной клетке размером с собачью, сидело то, что когда-то было человеком. Теперь это было «сырьё» в последней стадии — истощённое, с прозрачной кожей, сквозь которую просвечивали синие вены. Глаза были открыты, но в них уже не было ничего разумного. Только вычищенная до дна тоска.

Кха протянул руку и осторожно коснулся прутьев.

— Это был мой брат, — сказал он ровно. — Четырнадцать лет назад. Лиандр лично подписывала заказ. Я помню её подпись.

Он поднялся. В его руке появился маленький стеклянный пузырёк с чёрной жидкостью.

— Я каждый раз, когда прохожу здесь, даю ему каплю «Последнего молчания». Чтобы не мучился. Сегодня — последний раз. Дальше мы пойдём другим путём.

Он разбил пузырёк о прутья. Запахло горьким миндалём. Тело в клетке вздрогнуло раз, другой — и обмякло. Лицо наконец-то стало спокойным.

Кха не стал прощаться. Просто погладил хвост и пошёл дальше.

Я шла за ним, и внутри меня впервые за всё время не было сопротивления. Ни судороги, ни чужого голоса. Только тяжёлая, как свинец, тишина.

Она тоже смотрела.

И, кажется, впервые — видела.

Мы вышли на поверхность глубокой ночью, в квартале, который официально назывался «Складские Террасы», а в народе — просто «Мясные ряды». Пахло кровью и страхом так густо, что даже «Крик» в моём кармане казался почти лишним.

Кха привёл меня в полуподвальное помещение без окон. Внутри горела всего одна масляная лампа. На столе лежали чистые пергаменты, чернила и — неожиданно — маленькая стопка детских рисунков. На всех была нарисована одна и та же девочка с кардамоновыми глазами и разорванным ртом.

— Моя дочь, — сказал Кха, заметив мой взгляд. — До того, как её забрали. Рисунки нашёл в камере после... после. Бери. Они тебе пригодятся больше, чем мне.

Я взяла верхний рисунок. На обратной стороне дрожащей детской рукой было написано: «Мама, не плачь, когда они будут меня есть. Я буду стараться быть сладкой».

Что-то внутри меня — не знаю уже, я или она — сломалось с тихим, почти неслышным треском. Слёзы текли.

Я села за стол, разложила перед собой дневник Лиадр, детские рисунки и чистый пергамент.

— Два дня, — тихо сказала я. — За два дня мы напишем такую речь, что Совет либо сдохнет, либо заплачет кровавыми слезами. И мы будем говорить втроём.

Кха кивнул и впервые за всё время почти улыбнулся — страшно, криво, но по-настоящему.

— Тогда начинай. У нас мало времени, а мёртвых внутри

тебя, кажется, становится всё больше.

Я обмакнула перо в чернила, посмотрела на последнюю запись в дневнике Лиандр, на детский рисунок и на свои-чужие руки.

И начала писать.

От имени всех нас.

Первые слова дались с трудом, будто перо весило тонну. Я вывела заголовок: «Обвинительное заключение». Но тут же зачеркнула его. Это было слишком сухо, слишком официально. Это была не речь, а протокол.

Я отложила перо и закрыла глаза, пытаясь услышать их. Голос Лиандр — холодный, точный, привыкший отдавать приказы, но теперь надломленный ужасом собственного творения. Голос девочки с рисунка — тонкий, звенящий, ещё не понимающий всего кошмара, но уже знающий, что такое боль. И мой собственный голос — голос мести, голос чужака в этом мире, которому нечего терять.

«Начнём не с обвинения, — прошелестел в голове голос Лиандр, на удивление спокойный. — Начнём с гордости. С того, что они любят».

Я взяла новый лист.

«Почтенные члены Совета, — вывела я каллиграфическим почерком, который рука помнила сама. — Я, Лиандр, создательница Живой Росы, стою сегодня перед вами не как подсудимая, но как ваш самый успешный проект. Я — воплощение нашей общей мечты. Мечты о чистой, дистиллированной эмоции, очищенной от всего лишнего. От совести. От сострадания. От человечности».

Рука замерла. Это было сильно. Это было то, что они хотели бы услышать. Удар в самое сердце их самодовольства.

Я писала всю ночь. Кха сидел в углу, молча точил длинный, узкий нож и не спускал с меня своего единственного глаза. Он не был стражником. Он был зрителем. Иногда подливал масла в лампу или пододвигал мне кружку с горьким травяным отваром, который обжигал горло, но прояснял мысли.

Я писала о том, как Лиандр создавала первые эссенции. Как она выверяла формулы, добиваясь идеальной чистоты «продукта». Я цитировала её дневник, её восторженные записи о «новом уровне сенсорного восприятия». Я описывала это её словами, словами гениального парфюмера, который нашёл

новый, невиданный ингредиент.

А потом, между строк о триумфе, я вплетала другое.

«...идеальная нота чистого страха, полученная от шестилетнего мальчика, который боялся темноты. Мы держали его в полной изоляции тридцать семь дней то увеличивая, то сдвигая пространство. Урожай превзошёл все ожидания. Эссенция Первородный Ужас стала хитом продаж в квартале Золотых Шпилей...»

«...для создания эссенции Безутешность мы использовали матерей, у которых только что отняли детей. Важно было, чтобы они видели своих младенцев в соседних клетках. Это усиливало концентрацию горя в слезах почти втрое. Вы помните, господа, какой фурор произвели конфеты Материнская Скорбь на прошлогоднем балу?...»

Левая рука больше не дёргалась. Она лежала на столе спокойно, но я чувствовала, как под кожей нарастает холод. Ли-адр не боролась со мной. Она помогала. Она вспоминала. Она вытаскивала из глубин памяти самые отвратительные детали, самые точные цифры, самые циничные формулировки из своих старых отчётов. Она сама становилась оружием.

Под утро, когда чернила почти закончились, взяла рисунок

ки дочери Кха. Я смотрела на девочку с разорванным ртом и кардамоновыми глазами, и слова полились сами тихим, детским шёпотом.

«...а потом вы говорите о качестве. О чистоте. Вы говорите, что дарите миру красоту. Но я хочу спросить вас, почтенные. Какого цвета красота? Она цвета кардамона, как глаза девочки, которая просила маму не плакать? Или она цвета синяков на её теле? Какой у неё вкус? Вкус сладкой булочки, которую ей обещали, если она будет хорошо себя вести? Или вкус крови на её губах? Вы продаёте не эмоции. Вы продаёте разорванные детские рты».

Я закончила писать, когда первый серый луч света пробился сквозь щель под дверью. Руки дрожали так, что я едва могла удержать перо. Внутри была пустота. Мы все высказались.

Кха подошёл, взял исписанные листы. Он не умел читать — я поняла это по тому, как он держал пергамент. Смотрел на ровные строчки, на кляксы, похожие на слёзы, на перечёркнутые слова, и его лицо каменело.

— Хватит? — спросила шёпотом.

— Более чем, — хрипло ответил он. — Даже если они

тебя убьют после первого же абзаца, эти слова уже нельзя будет забыть.

Он аккуратно свернул листы в трубку и протянул мне.

— Отдохни. У тебя есть день. Завтра на рассвете мы выдвигаемся. Путь до Зала займёт почти сутки. И он не из приятных.

Кивнула, но знала, что не усну. Села на грубый тюфяк в углу, прислонилась спиной к сырой стене и достала медальон старика. Холодный металл приятно студил ладонь. Десять минут чистого, неотвратимого видения. Что они увидят? Мою боль? Боль Лиадра? Или что-то гораздо худшее? Увидят ли они то, что видела я в коллекторах? Брата Кха в клетке?

Внезапно в голове прозвучал новый голос. Не мой, не Лиадра, не детский шёпот. Он был древним, как сама земля, и усталым, как вечность. Голос старика-аптекаря.

«Ты думаешь, медальон покажет им прошлое? — пророкотал он беззвучно. — Глупая девочка. Он покажет им то, что ты чувствуешь. То, чем ты стала. Он покажет им Крик».

Я вздрогнула и крепче сжала медальон. Показать им «Крик». Не дать выпить, а заставить увидеть его суть. Заста-

вить их самих стать флаконом, в котором смешиваются агония, ярость и отчаяние.

Да. Этого будет достаточно.

Я закрыла глаза, и впервые за долгое время внутри меня воцарился мир. Не тишина, а именно мир. Согласие. Палач, жертва и мститель наконец-то договорились. Мы были готовы. И Совет тоже будет готов. Готов к своему последнему послевкусию.

Я проснулась оттого, что кто-то тихо плакал у меня в груди.

Не снаружи — внутри. Плач был таким глубоким и безнадежным, что казалось, будто у меня под рёбрами сидит маленькая девочка и раскачивается в темноте, обхватив колени. Я не сразу поняла, что это не дочь Кха. Это плакала сама Лиандр. Та, прежняя. Та, что когда-то верила.

Я открыла глаза. В подвале было уже светло — серый, больничный свет дня сочился сквозь щель под дверью. Кха сидел напротив, на табурете, и точил свой нож уже не в первый раз. Лезвие стало тоньше бритвы. Он посмотрел на меня так, будто слышал каждый звук внутри моего тела.

— Она начала говорить, — сказал он тихо. — Не кричать. Говорить. Это хуже. Я кивнула. Горло болело, будто всю ночь действительно кричало.

— Мы выходим через час, — продолжил Кха. — По Нижнему Тракту. Там сейчас ведут новую партию. Смешаемся. Будем выглядеть как надсмотрщики. Ты — старшая алхимичка, я — твой личный мясник. Молчи. Говорить буду я. А ты... — он кивнул на мою грудь, — разбирайся со своими жильцами.

Я встала. Тело слушалось послушно, почти ласково. Словно Лиандр решила больше не бороться открыто. Она выбрала другую тактику — шептать. И её шёпот был страшнее любой судороги. Мы вышли.

Запах «Мясных рядов» ударил в лицо, как пощёчина. Здесь уже шла утренняя разгрузка. По широкой улице, вымощенной грубым камнем, тянулась вереница закрытых повозок с решётками. Изнутри не доносилось ни звука — «сырьё» давно научили, что крик только увеличивает дозу «Успокоения».

Кха шагал уверенно, чуть сутулясь, как человек, который делает эту работу уже двадцать лет. Я шла рядом, капюшон низко надвинут, хвост плотно прижат к ноге. Каждый раз, когда мы проходили мимо очередной клетки на колёсах, я

чувствовала, как внутри меня что-то сжимается и разжимается, будто сердце пыталось вывернуться наизнанку.

«Я их всех знала по именам, — прошелестел голос Лиадра где-то за левым глазом. — У каждой клетки был номер. И у каждого ребёнка — код. Я сама их придумывала. Нежность-7. Отчаяние-19. Первая любовь,-13...» Я споткнулась.

Кха мгновенно подхватил меня под локоть, будто это было обычным делом.

— Не здесь, — процедил он сквозь зубы. — Держи её на поводке.

Но Лиадра уже не останавливалась.

Она показывала мне всё.

Каждую формулу. Каждую ночь, когда стояла над колбами и слушала, как за стеной плачут. Как говорила себе, что это необходимо. Что мир хочет красоты, а красота требует жертв. Как она ненавидела себя — и продолжала. Потому что остановиться значило признать, что вся её жизнь — это просто изысканный способ каннибализма.

Мы спустились ещё ниже.

Здесь уже не было улиц. Только огромные туннели, по которым «товар» перевозили, чтобы не портить вид верхнего

города. Под потолком тускло горели магические шары, покрашенные в цвет варёного мяса. По стенам тянулись трубы, из которых иногда капало что-то густое и тёмное. Я шла, и с каждым шагом нас становилось всё больше.

Теперь отчётливо слышала троих. Лиандр — надломленную, но всё ещё гордую. Девочку — ту, с кардамоновыми глазами, которая уже не плакала, а просто смотрела. И четвёртого. Того, кого я раньше не замечала. Он не говорил. Он просто был. Тяжёлый, древний, как вся накопленная боль этого города. Я поняла, что это и есть «Крик». Не эссенция. Не напиток. Сама сущность. То, что рождается, когда кто-то наконец перестаёт врать себе.

Кха внезапно остановился и прижал меня к стене. Мимо прошла колонна охранников в форме «Живой Росы» — белые с золотом мундиры, на груди вышита пятиугольная булка. Они вели новую партию. Двадцать три ребёнка. Я сосчитала. Все в одинаковых серых рубашках. Все босиком. Самой старшей было лет двенадцать. Самому младшему — не больше пяти. Девочка в конце колонны подняла голову. У неё были глаза кардамонного цвета.

Что-то внутри меня взорвалось беззвучно.

Я не поняла, кто из нас троих это сделал — но моя рука сама собой поднялась и коснулась медальона под плащом.

Металл стал горячим. Кха перехватил мою кисть железной хваткой.

— Не сейчас, — выдохнул он мне в ухо. — Если ты разобьёшь его здесь, мы умрём вместе с ними. А они всё равно ничего не увидят. Держись. Девочка прошла мимо. Она посмотрела мне прямо в лицо. И улыбнулась. Маленькой, дрожащей, совершенно невозможной здесь улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.